

Лаврентий Сон

ВСПОМНИМ ЛЕТО И НЕ РАЗ...

Рассказ

Институт общественного мнения находится на пересечении вон той улицы и этой, на которой я стою, пребывая в мучительном беспокойстве и нерешительности – входить или нет? Общественное мнение существовало и существует всегда, но институт образовался недавно, и я имею довольно-таки смутное представление о нем. Полагаю, что работают там интересные люди, и занимаются они не менее интересными делами. И отделы тоже разные. К примеру, отдел вопросов, с помощью которых составляют тесты, призванные выявить общественное мнение... Так что же делать? Допустим, захожу я в парадную, справляюсь у вахтера, куда мне двигаться дальше, двигаюсь, открываю дверь с табличкой и начинаю переминаться с ноги на ногу. «Отдел вопросов?» – спрашиваю наконец. «Да», – отвечают мне вежливо. И тут я некстати теряюсь, потому что надо задать вопрос, что мучает меня, но окажется ли он уместным и значительным, представляющим общественный интерес, я не знаю. В голову лезут невинные глупости. Почему-то вспоминается жаркий воскресный день, когда я впервые повел свою пятилетнюю дочь в зоопарк. Толчея у каждой звериной клетки, очереди за газировкой и пирожками, одним словом, мы оба порядком умаялись. У выхода дочь спросила: «Пап, а почему в зоопарке так много людей?» Теперь уж не помню, что я ответил, но больше вопросов дочь не задавала...

– Мы вас слушаем, – сказала женщина, сидевшая за столом у дальнего окна. Она пыталась пригасить во мне нерешительность, подвигнуть на откровение.

Я был очень благодарен ей за это, потому и начал:

– Видите ли... Сердце болит и взгляд туманится от обид, а дыхание прерывается в бессилии...

– Продолжайте, – тихо и с большим уважением, показалось мне, сказала женщина.

– Дело в том, что давным-давно встретились мальчик и девочка и очень радовались встрече, разговаривали о всяких пустяках и смеялись, потому что было смешно, но тайна развела их на всю жизнь.

– Что за тайна?

– Она заключалась в вопросе. Вернее, в ответе, которого не знала девочка. И я не знаю.

Женщина, сидевшая за столом у дальнего окна, и остальные четверо сотрудников отдела вопросов молчали.

– Не знаю, чем и помочь вам... Может, более подробно расскажете о существе вопроса и сформулируете его конкретно?

– Трудно, – сказал я, – сформулировать конкретно. Если бы не обеденный перерыв, который вот-вот начнется у вас, я бы рассказал всю историю, а ваш отдел помог бы мне сформулировать вопрос. Или даже дать ответ.

– Рассказывайте. Мы работаем без перерыва. Итак?

– Итак...

На исходе второго дня машина, груженная тюками хлопка-сырца, остановилась у развилки дорог – одна тянулась к краю горизонта, другая сворачивала в сторону, где далеко за грядой тамарисковых кустов угадывалось нечто похожее на барачное строение. Машина остановилась, и душный шлейф пыли, тянувшийся за ней, накрыл сидевших на верхотуре связанных тюков девочку и мальчика. Она была постарше, лет четырнадцати, и звали ее Асей.

Открылась дверца, из кабины выглянул водитель:

– Вон там живут ваши корейцы, больше нигде их нету. Шагайте туда.

Ася с братиком соскользнули на горячую ладонь пыли. Однообразная дорога разморила, и теперь их слегка покачивало на неуверенном грунте. Ася протянула водителю две красные бумажки, тот улыбнулся, взял и уехал.

Предчувствие близкого конца изнурительного путешествия подняло настроение, и братик Илья, лихо закинув за плечо старенькую матерчатую сумку, набитую одеждой, буквально запрыгал по дороге, ничуть не сомневаясь в том, что именно в тех бараках обосновались на лето мама со своими родственниками, с раннего утра и до позднего вечера пропадая на чеках рисовых полей.

Ася немного отстала, хотя не чувствовала усталости. Ей весело подумалось, что вот уже три месяца они с Илюшей добираются до мамы. В начале марта, пересаживаясь с пассажирского поезда на товарный, с него на бензовозы и хлопковозы, ехали они по Казахстану, Туркмении, Узбекистану, потом опять по Туркмении и Каракалпакии, прежде чем нашли двоюродных и троюродных дядь и тетя, но мамы не оказалось на месте, она выехала на сезонную работу куда-то под Чарджоу и там на целинных землях собиралась сеять рис. Был март месяц, и Ася с братиком остановились в городе Ходжейли у родственников, чтобы завершить учебный год. Маме оказией сообщили, что дети ее прибыли благополучно и летом приедут помогать. И теперь совсем немного осталось до той минуты, когда испытают молчаливую радость от встречи. Рядом с матерью всегда было спокойно и уютно. Так думалось ей всегда – когда мама хлопотала у очага, готовя наскоро еду для детей, и когда поздно вечером приходила с фермы. Старший брат и сестра, вернувшись с полей, спешно жевали вареную кукурузу и тут же исчезали из дому на таинственные молодые свидания. Только Ася с братиком выходили на вечернюю улицу и ждали, когда на горизонте появится темный силуэт – это мама возвращалась домой. И тогда они бежали навстречу, мама улыбалась, передавала дочери тряпичную котомку, в которой позвякивали порожняя алюминиевая миска и ложка. Сынишку она, разок погладив по голове,

крепко брала за руку, и все трое входили в дом, а в доме витал вкусный запах соевого супа, приготовленного Асей. Не спеша ужинали. Братик вскоре засыпал, уронив голову на колени матери, его укладывали в постель, и наступали минуты тишины, когда Ася могла пожаловаться на капризного Илюшу.

...Набегавшись, он неожиданно появлялся в огороде, у помидорных грядок и, мешая ей окучивать кусты, требовал лепешку. Попробуй не дать! Ася выносила из дому пол-лепешки, что вызывало у братика гнев и слезы, и он набрасывался на сестру. Асе строжайше запрещалось давать ему сдачи, и ей ничего не оставалось, как спасаться бегством. Злючка гонялся за ней по всему огороду и вокруг дома, все кричал, почему пол-лепешки, а не целую! Так и хотелось Асе стукнуть изверга по голове, но она не решалась, и в конце концов выносила вторую половинку, которую тот решительно делил между друзьями. От обиды Ася садилась меж грядок и тихо плакала...

Выслушав жалобу, мама улыбалась и ласково гладила дочку по голове, вытирала ей слезы.

Бывало, что мама просыпала утренний час и уходила на работу без каши в миске и куска пареной рыбы. Каша оставалась в котле, а рыба еще томилась на деревянной решетке. Тогда Ася собирала и несла завтрак и обед ей на отгон, где паслись колхозные телята. Путь на отгон долгий. Сначала надо миновать проклятое место в конце улицы – там покоится лужа с зеленой тиной. Лужа эта стиснута двумя дворами, и Ася проходит ее по кромке, воспользовавшись островками грунтовой тверди. И тут ее ждет петух. Здоровенный, с грязными лапками и острыми когтями. Настороженно вертя головой, он чует, что девочка побаивается его, и для окончательного торжества петушиной силы догоняет ее, расправив крылья, запрыгивает на спину своей жертвы и разок-другой стучает огромным клювом по мягенькому тельцу. Ася привыкла к таким схваткам, всегда заканчивавшимся для нее чувствительным поражением, но каждый раз сердечко начинало колотиться при виде глупого и жестокого петуха. Однажды она оступилась и упала. Миска выскользнула из узелка, каша рассыпалась. Асю охватил ужас, из глаз брызнули слезы. Забыв про петуха, она стала собирать кашу в миску, очищая рыхлые комки от грязи. Полмиски как не бывало. С рыбы она сдула пыль. Вытерла слезы и продолжила путь. Петух громко посылал ей вслед угрозы...

...Асе было хорошо оттого, что не устала и может идти еще сколько угодно. Остановилась и приложила к глаза ладонь козырьком. Братик уже скрылся за тамарисковой чащобой, пятерня заходящего солнца красным светом опалила край горизонта. Тихо кругом, ровный звон растворился на огромном пустыре.

– Чу! – слышалось сзади.

От неожиданности Ася кинулась в сторону и присела.

На маленьком ослике скакал юноша, изо всех сил натягивая поводок. Он был приблизительно ее возраста, но, должно быть, высок, потому что босые его ступни едва ли не касались пыльной дороги. С большим трудом ему удалось остановить ослика. Успокоившись, Ася хотела спросить, где живут корейцы, и тем самым выказать мир, настроить путника на добрый лад, но не успела – оглушительно заржал ослик, и юноша принялся пинать его бока пятками. Наконец животное замолкло, только ноздри его возбужденно затрепыхали. Лицо незнакомца было покрыто вороненым загаром, черные блестящие волосы

жестко кудрявились на голове, большие мужские руки собрали в узел поводок. Ася опомнилась, опять решилась заговорить, даже руку протянула несмело, но осеклась: лицо у юноши было злым. Брови вытянулись в струнку, глаза смотрели резко и спокойно. Вот-вот он погонит ослика прямо на Асю. Но она не сдвинулась с места. Тогда он отвернулся и с деланным безразличием стал разглядывать небо и степь. Так постояли они некоторое время. Краешком глаза он заметил ее блестящие коричневые сандалии и тонкое выгоревшее платье. Он попытался спрятать свои босые ноги под живот ослика. Переминаясь с ноги на ногу, Ася почувствовала песок в сандалиях. Отстегнула ремешки на них и поочередно вытрясла, ступая при этом на горячий песок. Корейнка, подумал он. Белые, прозрачные, словно стебли джугары, руки. И глаза маленькие, раскосые. Конечно, корейнка. С ранней весны в бараке живут корейцы и сеют рис на приточных поймах Амударьи, осенью соберут урожай и уедут, а весной появятся вновь, только уже другие... Чего она испугалась?

– Как звать? – спросил он.

– Ася.

– Меня Турсун... Чу! – И он погнал ослика, жестом показав Асе, куда ей следует двигаться.

Турсун погнал ослика против обыкновения, потому что никогда он не торопился домой, незачем являться раньше времени. Заставят сбивать масло или же обходить арыки, не прорвалась ли вода на бахчу. Если и случалось по воскресным дням возвращаться рано, то обычно задерживался у развалин старого дома, на стенах которого все меньше оставалось посеревшей известковой штукатурки. Устраивался под стеной в ожидании полного заката. Прибегала собачка, которая чудом угадывала появление хозяина. Только что вихрем носилась она меж кустов, распугивая крохотных синичек с желтыми клювами. Турсун знал, что в это время мать пекла лепешки. И когда треск сучьев в тандыре затихал, сюда доносились резкие шлепки теста о стенки глиняной печи, а вслед за этим – дурманящий запах испеченных лепешек. Турсун садился на ослика и, сопровождаемый сумасшедшим лаем собачки, появлялся во дворе. Деловито закидывал в айван пустые коржунны, умывался и садился ужинать. Молчаливому отцу он рассказывал, как шла торговля дынями, отдавал деньги, и уже до самого сна был свободен. Поиграв с братишками и сестренками да с племяшками, приехавшими на лето из Чарджоу, он уходил за дом, где устроил себе навес и лежанку, и засыпал... Хорошо было прошлым летом. У корейцев, что приезжали сеять рис, был мальчик, ровесник Турсуна, звали его Толей, и они быстро сдружились. Толик обладал невероятной способностью находить в песках пустые консервные банки, которые тщательно мыл и протирал тряпкой. Срезав крышку, он отбивал молотком острые заусеницы на краях банки и с помощью заклепок приделывал сбоку изогнутую ручку из той же самой крышки. Получалась отличная мерка для риса или джугары и вообще для любой крупы. Количество этих мерок дошло однажды до десяти, и мальчишки успешно продали их на базаре в Чарджоу, а вырученные деньги тут же проиграли крикливому инвалиду, сидевшему у ворот базара и забавлявшемуся бесхитростной головоломкой с сапожным шнурком. Концы шнурка были прочно связаны. Ловким движением руки инвалид образовывал несколько кругов. Желаящий выиграть рублик тыкал пальцем в один из них, и если шнурок застревал на кончике пальца, то выигрыш немедленно передавался счастливчику. Толик был

очень наблюдателен, зорко следил за манипуляциями инвалида, и вскоре два рубля, вырученные за мерки, превратились в семь! Турсун подтолкнул своего друга, мол, хватит, а то проиграешь, но Толика охватил губительный азарт, и в конце концов ему пришлось расстаться с деньгами. Расстроженные, они тронулись в обратный путь. Турсун успокаивал его – в песках можно найти еще много банок и сделать из них столь доходные мерки. Банки эти были разбросаны военизированной охраной, которая гнала по этапам ссыльных или же сторожила в бараках за колючей проволокой заключенных. Так рассказывал отец. Осенью Толик уехал, потому что учился в школе. Турсуну тоже надо было ехать в Чарджоу к дяде, но того забрали на строительство канала, где не хватало охранников, и всех милиционеров мобилизовали в помощь. Дядя уехал с семьей, а более близких родственников у отца в городе не нашлось. Да и сам Турсун не стал бы жить у других, потому что вряд ли те смогли бы оградить его от наветов в адрес его отца, поскольку отец с семьей жил в полном одиночестве в степи не по своей воле, а по решению важных чинов, осудивших его за покушение на жизнь станционного служаки. Служаку этого, тылового козла, отец чуть не убил, когда тот обвинил его в воровстве казенных лопат и четырех мешков цемента со склада. Хорошо, что удар ломом пришелся паразиту по известному месту, ниже пояса, а то бы переломил хребет. Служака все похвалялся своими медалями за трудовую доблесть, но ему не давал покоя единственный боевой орден, которым был награжден отец в войну, и он при удобном случае возводил напраслину, вплоть до оскорблений, подвергая сомнению солдатскую храбрость рядового Чарыева, отца Турсуна... Уехал Толик и вечера стали длинными, одинокими.

Ася прошла по гребню низенького бархана, испещренного петитами сусличьих следов, и вышла на твердую дорогу, отмеченную по краям велосипедными шинами. Вот и барак с низенькими саманными печками во дворе. Возле одной из них ждал Асю братик Илья. Напротив – дом с крышей из джугаровых стеблей и хилой оградой для животных. Сновали там малый и взрослый люд, мелькал среди них и медлительный Турсун. Над тандыром переливался раскаленный дым. Туркменская семья готовилась к ужину.

Раздалась трель велосипедных звонков – это возвращались с поля корейцы. Они окружили Асю с Илюшей, выражая восхищение их мужеством и сообразительностью, в такую даль прибыли благополучно, мать скоро объявится, она идет пешком, потому и отстала. Да и будь у нее велосипед, не смогла бы воспользоваться, не умела кататься. Все шумно умывались, поливая воду из тыквенных ковшиков.

Вскоре пришла и мама. Увидев сына и дочь, она как-то робко дотронулась обеими руками до детских плечей, прижала к себе и сказала:

– Приехали, значит...

Потом мама захлопотала, собирая на стол. Дядя и тетя, у которых она жила, и другие корейцы усаживались за свои столы, громко говорили маме хорошие слова о ее детях, расспрашивали про дорогу, умаялись, наверное, это же не ближний свет, а детишкам всего-то годов – девочке четырнадцать, а мальчику и вовсе десять лет... Дом, в котором жил этот небольшой табор сезонников, представлял собой низенький барак из семи просторных комнат, расположенных друг за другом под общей крышей. Двери выходили в одну сторону, в

большой двор. Первым сезонникам-корейцам пришлось немало потрудиться, обустроив барак для жилья. Разобрали двухъярусные деревянные полаты, из тех же досок соорудили настил, подняв его над земляным полом брусчатыми лагами. Колючую проволоку, поваленную там и сям за ненадобностью, свернули в кольца и сложили в отдалении, так произвольно образовалась свалка. По вечерам в комнатах стояла духота, и люди спали во дворе, спасаясь от комаров марлевыми пологам.

После ужина Ася с братиком помогли матери растянуть полог и с большим удовольствием юркнули под него. Илья бесился, подкидывая валик-подушку, но вскоре заснул, уткнувшись в мягкое плечо мамы. Ася легла по другую сторону от нее. Мама обняла ее и с тревожной радостью почувствовала, что дочь подросла.

Трещали сверчки на бахче, комары звенели над пологом, в арыках покоилась темная вода.

Спала Ася долго, а когда проснулась, мамы уже не было, да и других корейцев тоже – наскоро позавтракав, они выехали в поле, дружно позванивая велосипедными звонками. Все пологи разобраны. Только один остался, тот, в котором они с мамой спали.

Илюша, должно быть, метался в глубоком сне, легкое одеяльце собралось на груди, ноги и руки выпростаны, голова съехала с валика. Ася разбудила его, принесла круглую коробочку зубного порошка и отправила умываться к ближайшему арыку. Сама же разобрала полог и унесла в комнату. В тыквенном ковше возле печки она обнаружила рис, банку с соевой пастой, несколько картофелин. Это мама оставила, чтобы дочь приготовила обед. И Ася принялась за дело. Ополоснула котел, промыла рис и заложила кашу. Почистила картошку. В маленький котелок нарезала сальца, поджарила лук и залила водой, опустила очищенные картофелины. А когда вскипела вода, растворила в ней ложку соевой пасты.

Братишки все еще не было. Он неподвижно сидел, уставившись в стеклянную гладь воды и, захваченный молниеносной беготней длинноногих комаров по этой глади, даже не обернулся, когда Ася подошла к нему.

– Скорей умывайся. Отнесем маме обед на поле, – сказала она.

Илья что-то буркнул в ответ и продолжал наблюдение за комарами. Ася вернулась к печке, присела на крошечный табурет. В зеве печи трещали в огне сухие хворостины, нагретый воздух переливался над раструбом дымохода. И тут она с запоздавшей и неутихшей обидой вспомнила, как пришлось ей однажды бегать вокруг дома от своего братика, который гонялся за ней, обжегшись горячей кукурузной кашей. Претензия его была глупой, но объяснить она не могла, поскольку маленький деспот настигал ее, высоко подняв над головой обрубок стебля подсолнуха. И все кричал, зачем же она так много дров подкладывала в печь, если бы топила умереннее, то каша была не такой горячей, и он бы не обжегся...

Ася подумала, что надо вовремя вычерпать кашу из котла, чтобы на дне его не образовался слой обгоревших рисовых зерен, ведь это настоящий белый рис! Уже три месяца она ела бело-бархатную рисовую кашу, а до той поры – больше пшеничную, о рисе никто и не мечтал, всем жилось трудно. И когда Ася с братиком на восьмой день приехали в город Ходжейли, чтобы встретиться с мамой, но нашли только дальних родственников, вот тогда случилось такое, что всех напугало. Настя, так звали жену троюродного маминого племянника, сварила кашу, белую,

рисовую, пожарила яичницу на свином сале, выложила на стол соленья и всякую другую снедь. И Ася с Илюшей рухнули вдруг на земляной пол в доме, потеряли сознание. То ли голод, то ли забытый аромат рисовой каши спер им дыхание и помутил ум, но они вмиг впали в забытьё. Очнувшись уже на кане после двух часов глубокого сна. Настя сварила новую кашу, пожарила новую яичницу, так как посчитала, что прежняя каша и яичница остыли. Только картошку, нашинкованную соломкой и приготовленную с мясом, лишь подогрела...

Ася увидела девочку, семенившую к ней с соседнего двора. Многочисленные косички ее завершались продырявленными монетками и позвенькивали. Прижимая к груди желтую, как солнце, дыню, она приблизилась к Асе, опустила гостиницу у ее ног и стремглав убежала обратно, шуруша подолом длинного платьяца. Там встретил ее Турсун, вместе ушли за дом и долго не появлялись. Ася поняла, что ее угостили. Но все произошло так быстро, что она не успела поблагодарить, и ей стало неловко. Дыня пахла мятой и шоколадом, наверное, очень сладкая. И послал угощение, конечно, этот мальчик Турсун, который почему-то скрылся за домом и теперь, возможно, наблюдает за ней. Ну и пусть, раз угостили, надо отведать. Ася принесла большую тарелку и нож и нарезала дыню ломтями. Мякоть таяла во рту, сладкая прохлада освежила воздух. Пришел братик Илья и застыл в изумлении: откуда дыня?

Вставал Турсун рано и первым делом шел на бахчу. Высмотрев спелые дыни, помечал их – в воскресенье повезет на базар в Чарджоу. Вот и сегодня он насчитал не один десяток скороспелок-шамша, желтыми лбами выглядывающих из-под разлапистых листьев. Затем прошел зарослями джугары к небольшому рисовому чеку. По примеру корейцев и просто из любопытства отец засеял его рисом и производил все прополочные работы, которые они советовали ему. Участок земли был выбран не совсем удачно, и посредине образовалась запруда, в которой шныряли маленькие сомята.

За завтраком отец перечислил все работы, которые должен был проделать Турсун за день, и он их выполнил. Накосил травы, дал курам зерно, напоил лошадь и ослика, сбил масло, взрыхлил кетменем участок за домом, где отец решил что-то посадить.

С утра работа шла споро. Турсун удивился, поняв, что торопится, а зачем торопиться, зачем ему свободное время, он не мог взять в толк. И вот все сделано, надвигалось изнурительное безделье. Толика нет, не с кем переговорить. Ребятишки барахтаются в проточных арыках. Легкость тела несла его куда-то, беспокоила, хоть криком кричи, головой об стену...

Прибежала малышка-сестренка и сообщила, что все хотят поесть дыню. Турсун обрадовался, сорвал несколько скороспелок и нагрузил ими подол ее платьяца. Малышка убежала во двор, зовя остальных. Турсун двинулся за ней следом и по пути сорвал еще одну шамшу, необыкновенно крупную, запашистую и тяжелую, как ядро. Толик любил такую дыню, да еще с лепешкой, испеченной матерью в тандыре. А в этом году прибыли сюда другие корейцы, и с ними вот эта девчонка с коротким именем – Ася. Угостить ее, что ли? Девчонка, конечно, учится в школе и к сентябрю уедет, как Толик... Турсун выглянул из-за угла и увидел, как Ася и ее братик едят сладкую дыню, посланную им через малышку-сестренку. Впереди долгий день...

Ася с Ильей легко нашли рисовое поле. Просека, ведшая к нему, разлинована велосипедными шинами. Мать с дядей и тетей не ждали их и очень обрадовались, узнав, что девочка принесла обед, да еще такой вкусный. Обедали, сидя на дамбе прямо под палящим солнцем. Затем мама показала, как пропалывать рис. Пучки сорняка надо выносить за край чека, осторожно ступая по илистому дну. Теплая вода показалась детям тяжелой и вязкой, как сироп, и к вечеру работалось все труднее. Илья совсем перестал полоть, хитрил, картинно показывая свое бессилие перед режущими стеблями сорняков, никак не желавших расстаться с грунтом. В капризном отчаянии он захватывал вместе с сорняками и нежные стебельки риса, вырывал их с корнем и выбрасывал на дамбу. Ася видела все это, но не ругала, а напротив, уговаривала поработать еще немного, пока солнце не исчезнет за горизонтом, и тогда вместе со всеми взрослыми они отправятся домой. Чтобы как-то отвлечь братика от злой обиды и усталости, она решила научить его считать по-казахски.

– Бир, еки, уш, – говорила она, – один, два, три. Торт, бес, алты, жеты, сегыз, тогыз, он! – радостно заканчивала счет и просила его повторить.

Илья не поддавался ее ликованию, но все же ловко повторил с первого же раза, и Ася, отметив его способности, пообещала научить считать до тысячи за каких-нибудь пять дней. И прочитала маленькую лекцию о пользе знаний различных языков. Вспомнила, как добирались до Ходжейли. У русских спрашивали по-русски, встретились казахи или узбеки – и с ними она могла переговорить, разузнать, как доехать до нужного населенного пункта. Если бы попался немец, – немцев тоже привезли в их колхоз в начале войны, – и по-немецки она смогла бы объясниться, потому что неплохо учила его в школе... За разговором они не заметили, что уже давно сидит на дамбе Турсун и слушает «лекцию». Он спросил вдруг по-туркменски, она смутилась, но ответила, что братику десять лет, он закончил третий класс, а сама она перешла в восьмой...

Солнце закатилось, и люди собрались на краю поля, разбирали велосипеды, чтобы вернуться в барак и успеть приготовить себе нехитрый ужин.

И однажды разразился скандал.

В самой дальней комнате жила семья Динчера. У него двое детей, мальчик и девочка, но примечательной была жена по имени Катерина, родившая ему этих двойняшек. После родов она сказала, что больше детей у них не будет, мороки и хлопот с ними много, а жизнь проходит. Такое заявление Динчер воспринял как шутку, но дальнейшее показало все неприличие решения жены. Игры в японские карты хата в долгие зимние вечера заканчивались ночевкой в каком-нибудь доме, а то и просто у картежных партнеров, о чем ходили противные для Динчера слухи, никак не красящие облик его жены.

Катерина была ленива и хороша. Замечательный бюст и пухлые руки она вроде бы случайно демонстрировала в запале карточной игры, и мужчины надолго задумывались, прежде чем сделать очередной ход в простейшей комбинации. На одной из вечеринок, закончившейся питием горячительного, Катерина познакомилась с молодым человеком по имени Михаил, и с того дня стала возвращаться домой раньше обычного, ничуть не сожалея, что не участвует в игре хато до утренних зорь. Но все чаще поговаривала, что весной на заработки нужно ехать, сколотив дружную и работающую бригаду, желательно из молодых мужчин, по-

сколько намечено заняться рисоводством в далекой туркменской степи, где неизвестно какие будут условия и дороги, потребуются крепкие молодые руки при погрузке собранного урожая. Самой же ей далеко за тридцать, таскать мешки она не станет, а за определенную мзду можно уговорить крепких парней. Динчер воспринял эти слова как мудрое решение и, собирая бригаду, слушался ее рекомендаций. Среди рекомендованных был и Михаил, долговязый, с полуприкрытыми глазами молодой человек двадцати четырех лет от роду. Никто толком не знал ни его родителей, ни родственников и абсолютно верно полагали, что в будущем он устроит свою жизнь, женившись на девушке из состоятельной семьи. А пока что он вел довольно-таки беспечную жизнь скромного и молчаливого паиньки и каждую весну попадал в какую-нибудь бригаду, если в ней оказывались смешливые холостячки. Урожай он собирал меньше других, но это его не волновало. Бригадиры не очень охотно брали Михаила к себе, однако дела непременно оборачивались так, что он оказывался в одной из бригад и не подавал никаких поводов для возмущения и недовольства со стороны сильной половины человечества. И слабой тоже.

Но в это лето все получилось отвратительно, и Михаил мучился. Виной тому была Катерина, полные икры которой и зазывно-округлые бедра по-настоящему смущали, вследствие чего он потерял всякое приличие и осторожность. Когда и что случилось между Катериной и тихоней Михаилом, никто доказательно не мог сказать, но все были уверены, что муж ее, Динчер, ни за что ни про что обманут.

Однажды Михаил заболел. Мудрено, конечно, в такую жару смертельно простудиться и слечь в изнеможении, но ему это удалось. Была пора первой прополки, сорняки воинственно вытягивались над водой, и нежные всходы риса нуждались в помощи, которую немедленно оказывали все без исключения, и даже дети. Но Катерина убедила мужа, что ей необходимо остаться в бараке и присматривать за больным, иначе может случиться непоправимое – Михаил умрет. И Динчер, несмотря на предупреждения друзей, согласился.

Михаил, как оказалось, был здоров. Все это он проделал по наущению Катерины, потому как она желала остаться с ним наедине, чтобы почувствовать свободу ласки и любоваться сильным молодым телом. И как только они остались в бараке одни, желания Катерины исполнились. Одно лишь не понравилось ей – настроение Миши, который согласился на такую грубую симуляцию с единственной целью – хорошенько поговорить и положить конец их любовным утехам. Об этом он заявил решительно, даже слегка истерично. Не в его правилах вести себя так нагло, он уважает дядю Динчера, да и совесть надо иметь...

– Совесть какой, – сказала она с улыбкой и положила его голову на свою высокую грудь.

Михаил вырвался и продолжал сидеть, обняв колени сильными руками. Катерина вздохнула. Затем встала, вышла во двор и принялась варить обед. Заложил крупу, растопила печь, начистила овощей, поджарила лук на масле, захлопала крышками кастрюль, и все это она проделывала в каком-то ожесточении.

Михаил ел с неохотой. Катерина сидела рядом и любовалась им, пускаясь в воображении в игривые фантазии.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Тебе надо жениться. А там видно будет.

Михаил не понял и уставился на нее.

– Жениться? На ком?

– В километрах двадцати, – пояснила Катерина, – есть еще одна бригада, ты знаешь. У бригадира дочь, ей замуж пора, переспела. Отец ее как-то спрашивал, интересовался тобой.

– Оля?

Катерина внимательно посмотрела на Михаила.

– Знаком с ней?

– Слышал.

– Я приглашу ее в гости. А ты сделаешь то, что скажу.

– А что надо делать?

– Потом скажу. Она здоровая, детей народит тебе. И отец удачливый, никто больше него не собирает урожай. Понял?

– А может, я не подойду, ни кола ни двора...

– Не лукавь, еще как подойдешь!

Катерина с облегчением отметила его покорность. Вынесла во двор обеденную посуду с остатками еды и, вернувшись в комнату, плотно прикрыла дверь. Рухнула на постель, увлекая за собой оглушенного новостью Михаила.

Оля прибыла в гости в конце недели. Это была крупная девушка, молчаливая, стеснительная, и вела себя безупречно, соблюдая все тонкости обхождения с незнакомыми людьми и старшими по возрасту. Похвально, что воспитание она получила достойное, повезет тому, кто женится на ней, – таково было мнение всех сезонников.

Спать легли под двумя пологам. Под одним – семья Динчера, под другим, где обычно спал Михаил, устроили гостью. Самого же его отправили в душную барачную комнату.

Динчер спал крепко, дети тоже. Одна Катерина не смыкала глаз, вся напряглась и вслушивалась в тонкую тишину. Было далеко за полночь, когда Михаил бесшумно вышел во двор и стал подкрадываться к пологу Оли. Приподняв у изголовья марлю, он застыл в нерешительности, но вспомнив наказ Катерины, просунул руку и положил ее на жаркую грудь девушки.

Дальше все произошло очень глупо, но по замыслу коварной Катерины как по писаному. Сначала послышался сонный и чуть встревоженный голос Оли, затем испуганный крик, возня, полог заколыхался, тесемки на углах натянулись, жердь, к которой была привязана одна из тесемок, не выдержала и упала на перепуганную гостью, та еще больше заметалась, забарахталась под марлей полога. Вмиг проснулся весь табор сезонников. Словно настигаемые потопом или еще каким-нибудь бедствием, люди забегали по двору, выпрашивая друг у друга – кто? что? зачем? когда? куда едем? какой эшелон? почему не предупредили заранее?..

Всю эту сумятицу и сонный бред остановил выстрел из охотничьего ружья. Кто-то сообразил, что люди еще больше распялятся и начнут собираться в дорогу, как осенью тридцать седьмого, – удачно сообразил, ворвался в свою комнату и, выбежав во двор с ружьем, бабахнул в воздух.

– Приехали! – гаркнул он и дико захохотал.

Михаил убежал в ночь. Люди стали приходиться в себя. Оля плакала.

Катерина заботливо обняла ее и стала всем рассказывать о вероломстве Михаила, опозорившего достойную девушку. Как теперь им, хозяевам, пригласившим Олю в гости, смотреть людям в глаза, в особенности отцу девушки, как осмелился бессовестный Михаил на такое, успокойся, Оленька, все уладится, я этого так не оставлю, изловим паршивца, накажем, пусть держит ответ за свои поступки, бесстыжие глаза его, развратник и лиходей, скорей бы уж женился да прекратил баловство...

Люди еще долго судили-рядили и вскоре разошлись по своим пологам, прикидывая, как же объяснят случившиеся Динчер и его жена родителям Оли.

– Что он сделал с тобой? – спросила Катерина девушку, которая с трудом успокаивалась.

– Ничего...

– А может, вы договорились, но ты спросонья не разобралась и подняла никому не нужный шум?

– Тетя Катя...

– Что тут такого? Ты вон какая хорошенькая, да и замуж пора. Миша не такой уж плохой, правда, очень стеснительный, но как мужчина имеет свой характер. Решительный... Куда он убежал, тут волки кругом шастают...

Девушки напряглась в испуге.

– Не волнуйся, не загрызут. Михаил – сильный человек.

Наутро все уехали в поле, но без Михаила. Не объявился он и на работе. Катерина забеспокоилась, так не договаривались.

А Михаил в ту ночь стрелой умчался в заросли джугары и притаился, едва переводя дыхание.

Шум, гам, выстрелы разбудили Турсуна. И он оказался единственным свидетелем Мишиного побега. Подождав, когда корейцы утихомятятся, Турсун направился в джугаровые заросли. Обошел всю делянку, но нигде не нашел беглеца. И только когда возвращался, кто-то взволнованно окликнул:

– Эй!..

Это был Михаил.

Прополка подходила к концу. Ровные чеки зеленели ковром нежных всходов. Братик Илья, стоя на дамбе, впервые восхищенно глянул на этот простор и улыбнулся.

– Молодец! – сказал Турсун, положив руку на его плечо.

Он, как всегда, появился неожиданно. Но взгляд его против обыкновения был встревоженным, без напускной деловитости и важности.

– Ася, поговорить надо.

Ася вынесла на дамбу охапку сорной травы и остановилась, снимая с локтей илистую грязь. Турсун раздумывал, можно ли говорить при Илюше, но видя, что тот не собирается удаляться, сказал:

– Михаил у меня. Что делать?

Ася пожалала плечами. Предложила:

– Надо тете Кате сказать.

– Он просил никому не говорить!.. Хочет уехать.

– Нет, – сказал Ася, подумав, – нельзя уезжать. Дядя с тетей будут виноваты.

– А что случилось?

– Он должен жениться! – сказал Илья.

Ася строго посмотрела на него и объяснила Турсуну произошедшее ночью приключение и также сообщила, что завтра утром по просьбе Кати она должна сходить в соседнюю бригаду и передать приглашение Олиному отцу с тем, чтобы объясниться и решить, как быть с молодыми. Если Михаил не женится, девушка останется опозоренной...

Вечером после ужина Турсун довольно быстро отчитался перед отцом, что сделано по хозяйству, сказал, что на завтра почти нет срочной работы, а потому нельзя ли ему отлучиться на день и распорядиться свободным временем по своему усмотрению. Не получив от отца ни отказа, ни согласия, Турсун рассказал в двух словах о скандале у корейцев, и что необходимо им помочь: нужно проводить девочку в соседнюю корейскую бригаду и обратно, без проводника она может заблудиться.

– Она просила тебя?

После некоторой заминки Турсун сознался, что сам так решил.

– Хорошо, покажи дорогу.

Турсун еле дождался утра. Михаил ворочался рядом в беспокойном сне.

Ася отправилась в путь спозаранку. Она решила строго придерживаться указаний тети Кати и идти все время по широкому грейдеру, а в полдень у тополиного острова свернуть вправо и шагать вдоль высохшей речки, пока не покажутся на горизонте чахлые саманные постройки, всего четыре домика. Там и находится бригада Олиного отца.

– Чу! – раздалось сзади.

Турсун на ходу прыгнул с ослика и подвел его к Асе.

– Садись!

Ася обрадовалась его появлению, но сесть на ослика отказалась.

– Не бойся!

– Нет, – сказала Ася.

Тогда Турсун привязал поводок к седлу и опустил ослика. Тот зашагал впереди, понунив голову. Долго шли они молча. Турсуну хотелось поговорить с Асей, но ничего не приходило в голову, а девочка, и без того молчаливая, совсем замкнулась. Только разок он уловил в ее глазах радость, когда нагнал на своем ослике. Не о чем говорить, впереди знакомая дорога, лишний раз нет надобности указывать, трусит себе ослик... Вот и тополиный ряд на высокой дамбе. Сразу повеяло прохладой, и оба почувствовали, что идут уже долго, можно передохнуть.

Турсун обрадовался возможности сказать что-нибудь Асе и предложил:

– Давай покушаем?

Остановив ослика, Турсун извлек из волосяного мешка дыньку и лепешку, рассказывая при этом про своего друга Толика, которому очень нравились такие дыньки и лепешки. Толик уехал, и они уже больше не виделись.

– А ты в каком классе учишься? – спросила Ася, отламывая край мягкой лепешки.

– Я не учусь. Пять классов закончил.

Ася вопросительно посмотрела на него.

– Школа в Чарджоу, а там негде жить. Дядьку забрали на канал, он милиционер. Раньше я у него жил.

– И ты не будешь дальше учиться? – удивилась Ася.

– Не знаю.

Ася не могла взять в толк, как это не учиться? Дома только и разговоров о том, что первым делом надо обязательно учиться, во что бы то ни стало, особенно теперь, когда можно уехать куда угодно и поступить в институт. Прошли те времена, когда многим корейцам приходилось тайком уезжать в Талгар или Текели, воспользовавшись фальшивыми метриками. Вот старший брат, например все метрики, какие были дома, испортил, вытравив хлоркой имена двух сестер и братика Ильи и вписав в них свое имя. И таким образом он сумел поступить и закончить четыре двухмесячных курса – бухгалтеров, трактористов, электриков и комбайнеров, о чем ему выданы удостоверения. Исчезновения брата тщательно скрывались в колхозе, вернее, никто и не спрашивал, потому что все знали, и первым застрельщиком молчания был сам председатель колхоза, ему нужны были специалисты, и он всячески поощрял «исчезновения» молодых людей, рискуя при этом быть строго наказанным. Зато теперь в том колхозе, откуда Ася с Ильей уехали за мамой три месяца тому назад, немало сообразительной молодежи, в том числе и старший брат.

– А почему вы живете в степи? – спросила Ася. – Почему не в Чарджоу, там и школа есть?

Турсуну не понравился вопрос, и он стал оглядываться вокруг, бросая дынную кожуру как можно дальше.

– Еще хочешь? – спросил он равнодушно. – Я шесть штук шамши взял, и на обратную дорогу хватит.

Они не стали больше есть и двинулись в путь, свернув с широкой дороги вправо. Вот и высохший арык. На горизонте показалось селение.

Отец Оли удивился – почему не вернулась дочь, а его самого просят прибыть в первую бригаду для серьезного разговора, касающегося дочери? Девочка же ничего не говорила, она лишь передала приглашение. Хорошо, ответил отец, завтра он двинется в путь, а сейчас Асе надо поесть, отдохнуть, устала с дороги. Ася сказала, что она не может задерживаться, ей необходимо тотчас трогаться в обратный путь, с ней мальчик Турсун, он на улице ждет, при нем ослик...

– Позови его. Покушайте, – сказал отец Оли.

Обед для Турсуна был непривычный, но он съел все, что было предложено. И кашу рисовую, и тыквенный суп, заправленный соей, и салат из огурцов с луком. Салат особенно понравился. Хозяин дома свободно говорил по-туркменски, что заставило мальчика вспомнить отцовские слова: а как им, корейцам, быть, жить-то надо. Олин отец, оказывается, знаком с его отцом – встречались на станции и заготпункте. И он велел жене отловить во дворе парочку кур, связал им лапки и попросил Турсуна отнести гостинец домой.

В обратный путь Ася с Турсуном отправились перед самым закатом. К ночи намеревались прибыть домой. Путь оказался скорым, и к ранним сумеркам одолели уже половину. Турсун уговорил девочку сесть на ослика.

Ослик шел неровно, земля раскачивалась, и Ася вскрикивала, когда приходилось преодолевать мелкие насыпи и затвердевшие выбоины. Она судорожно

вцеплялась в седло и умоляюще поглядывала на Турсуна. Тот смеялся, придерживая ослика на поводке.

– А ты знаешь, почему корейцев выселили с Дальнего Востока? – спросил Турсун, когда выбирались на ровный грейдер.

Ася не поняла вопроса и ничего не ответила.

– Всех до единого выселили, – продолжал Турсун. – Отец рассказывал.

Никто Асе не говорил о выселении, и она опять ничего не сказала.

– Вы шпионили... На японцев. Корейцы похожи на японцев. Вот и решили переселить сюда, подальше от японцев.

Ася упала с ослика.

– Держись! – крикнул Турсун.

Обогнул ослика и приблизился к девочке. Она оттолкнула его. Поднялась и скорым шагом пошла прочь. Турсун выпустил поводок и побежал следом. Ася хмуро смотрела под ноги, убыстряя шаг. Что он такое говорит? Какие шпионы? Никогда ничего подобного она не слышала. Ей стало нестерпимо больно и обидно. Хотя уже привыкла к обидам, большим и малым. Разве легко было ей и не обидно, когда соседские девчонки размахивали сумками, сшитыми из лоскутков, а она тянула ляжку тяжеленных саней, в которых лежало полмешка неочищенного риса, собранного у селян – у тех, кто брал весной у родителей по паре килограммов парной свинины и теперь расплатился новым урожаем? Пальцы мерзнут, варежки штопаны-перештопаны... Разве не обидно было ей во втором классе оставить школу из-за неуплаты образовательного взноса и бегать к дальней родственнице-учительнице, дававшей ей одной бесплатные уроки? А вспомнить отца, уже покойного? Он почему-то недолюбливал ее и, лежа в постели на теплом кане, зорко следил за тем, чтобы неуклюжий ребенок ненароком не задел его больные ноги, и если таковое случалось, то наказание следовало немедленно – высохший ивовый прутик оставлял бурую отметину на ее крохотных коленках...

И этот мальчик тоже... Страшно. Неужели он говорит правду? Неужели взрослые знают о том, что знает отец Турсуна, и молчат?

Девочка Ася шла, молча разглядывая некую точку на горизонте, а за ней, опустив голову, плелся Турсун. Если бы у него были слезы, он бы заплакал от отчаяния и чувства непонятной вины перед нею, но Турсун никогда не плакал. А сейчас хотелось... И он заплакал. Остановился, отвернулся и заплакал.

Ася вдруг почувствовала, что Турсуна нет рядом. Оглянулась. Тот сидел на солончаке, обняв колени припорошенными бурой пылью руками. Удивленная, она подошла и увидела, что Турсун беззвучно плачет. Ася взяла ослика за поводок и потянула.

Мальчик встал и пошел вслед за девочкой, ведшей его ослика на коротком поводке.

Поздно вечером они пришли к барaku, и Ася отпустила ослика. Тот привычно зашагал в свой двор.

Дома все уже спали. Турсун лег под свой навес и закрыл глаза. На него навалились ночные шорохи и свист беззвучных сверчков...

Мне неизвестна судьба Турсуна.

А про девочку могу сказать. Все у нее сложилось как нельзя лучше. Закончила школу, институт, вышла замуж, трое детей и уже двое внуков. Знаю, что

помнит она ту неприметную историю в чарджоуской степи, где познакомилась с мальчиком Турсуном.

Помнит она и то, как с братиком возвращалась в конце августа домой, в Ходжейли. Было воскресенье. Решили встать пораньше, пока не наступит жара, но проспали рассвет – солнце грело всю, люди уже уехали в поле. Братик Илья никак не мог проснуться, Ася тормошила его. И тут увидела у изголовья своей постели продолговатую дыню. Желтым боком, испещренным темными рисками она придавила край марлевого полога, дыша запахом мяты.

Мама сказала, что дыню принес мальчик Турсун, он погнал своего ослика, груженного овощами, на чарджоуский базар...

Больше они не виделись.

– Ну и что? – спросила женщина, сидевшая за столом у дальнего окна. Спросила как-то задумчиво, будто про себя.

Остальные четверо сотрудников отдела вопросов молчали, уставившись невидящим взглядом на проход между столами.

И я сказал:

– Сердце мое болит все больше и больше, и взгляд туманится в бессилии...

– Видите ли... – проронила женщина и подняла на меня свои ласковые глаза, словно благодарила за откровение, на которое подвинула она сама, пожертвовав обеденным перерывом.

В августе 2018 года отмечают:

80-летие

Бекболат АДЕТОВ, прозаик
Ахметжан АШИРИ, прозаик

70-летие

Ескермес ЖАКСЫМБЕТУЛЫ, поэт
Александр САМОЙЛЕНКО, прозаик, переводчик

60-летие

Назым БАЙОРАЛОВА, поэт

50-летие

Амангельды МЫРЗАБЕК, критик

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

